

**В вихре
времён**

Валерий БОЛЬШАКОВ

ГРИДЕНЬ

Из варяг в греки

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б79

Художественный редактор *П. Волков*

В оформлении переплета использована
иллюстрация художника *И. Варавина*

Большаков, Валерий Петрович.

Б79 Гридень. Из варяг в греки / Валерий Большаков. — Москва : Яуза : Эксмо, 2018. — 320 с. — (В вихре времен).

ISBN 978-5-04-091670-2

На что вы решитесь, если в вашем распоряжении окажется машина времени, открывающая портал в 881 год? Сделали бы селфи с Олегом Вещим?

А вот у Игоря Тучина планы гораздо грандиозней! Он хочет помочь князю обучить мощную регулярную армию, побить хазар, приступить к индустриализации, вывести свою прародину в великие державы!

Он не один, рядом его друзья-однополчане.

Четыре товарища, выдавая себя за волхвов, начинают нелегкий прогрессорский труд, чтобы собрать разобщенные земли в единое царство и «запрограммировать» Русь на процветание и лидерство!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Большаков В.П., 2018
© ООО «Издательство «Яуза», 2018
© ООО «Издательство «Эксмо», 2018

ISBN 978-5-04-091670-2

Глава 1, ***в которой все начинается***

Меня зовут Игорь Тучин, мне 32 года, я неудачник.

А как еще можно назвать человека, здоровяка вот с таким кулаком — и прописанным на муниципальной жилплощади?

Да, вот так с маманькой и проживаю. У нее квартира в Ленинграде, который всякие собачки перетолмачили в Санкт-Петербург. Ну, не знаю — кому мил «град Петров», а по мне так «город Ленина» милее.

Вот пишу сейчас все это и думаю: а что именно я затеял? Дневник? Нет, мне скучно калякать, как последний русский царь: «После завтрака читал. Хорошо и долго погулял. В 7½ поехал в город. Обедал у Мамá». Какая яркая, насыщенная жизнь!

Удивительно, как это «Николай Второй» не догадался описать такие важные события, как отправление естественных надобностей!

Тогда что я пишу? Мемуары? Вроде как рановато еще.

В общем, не знаю. Пишу, и все! Вернее, набираю на компе — писать почти разучился, и почерк ужасный стал. Да и привычка к гаджетам

въелась — надо записку черкануть, а рука сама к клавиатуре тянется...

Вот состарюсь, достану эти свои записки (распечатку!) и буду с умилением перечитывать, шамкая беззубым ртом: «Ну и придурок ты был, ну и лошара...»

Нет, лучше так, по-пушкински: «Ну и дурачина ты был, ну и простофиля...» Хотя хрен редьки не слаще.

Вот мысль сейчас мелькнула: а вдруг кто чужой прочитает повесть сию? Да и фиг с ним! Посторонним вход разрешен.

* * *

Информация для размышления.

Детство мое легким и счастливым не назовешь — СССР уже развалили, а нынешнюю РФ еще не построили. Маялись между.

Дурные родители затеяли развод, чем нанесли моральную травму подрастающему поколению. И тогда бабушка Аня, дама весьма энергичная, решила, что внуку лучше не наблюдать сцен из семейной жизни. И увезла к себе в Новгород.

Жила она с дедом Антоном, приватизировав большую квартиру в доме, выстроенном еще до революции. Баба Аня сразу потребовала, чтобы «старый» хоть изредка отрывался от своих ученых занятий и вел со мной воспитательную работу.

Дед был историком, но отнюдь не домоседом...

Я опять отвлекся от писанины и задумался. Вдруг посторонние не поймут, зачем им все эти фамильные преданья? Объясняю: если бы не мой дед, то мне сейчас и писать было не о чем. Разве что как царь: «Проснулся в 7.00, после завтрака поехал на работу. Вернулся домой. Посидел перед телевизором и лег спать».

Так что читайте, чтобы было понятно. Дальше будет интересней, обещаю.

В общем, дед мой обожал ездить в археологические экспедиции. Бабушка, правда, уверяла, что деда вовсе не раскопки влекли, а студентки третьего курса. Ну а что такого?

Дед Антон — мужчина видный, а седина и аккуратные усы лишь придают ему, я бы сказал, опасной элегантности. Он смахивает не то на дипломата, удалившегося от дел, не то на гангстера.

На дона Антонио, который между двумя за-
тяжками спокойно приказывает своим «гориллам» кого-нибудь кокнуть.

И что делать той студентке, если у нее куча пропусков и легкий туман в голове? Протягивать деду зачетку — и расстегивать бюстгальтер...

Меня редко допускали в дедушкин кабинет, где шкафы до потолка были забиты всякими учеными книгами, а ковер над диваном — увешан мечами, настоящими, старинными. Но самую жгучую тайну хранили не клинки и даже не ящики фундаментального стола, а узкая дверь за шторкой. Красиво обитая полосами позеленевшей бронзы, она всегда была закрыта.

Уж как я изнывал, пытаюсь перешагнуть запретный порог! Увы.

Бабушка делала вид, что не понимает моих мольб («Ну, дедушка же уехал! Я только загляну, и все. Одним глазиком!»), и переводила разговор на другое. А «дон Антонио» бодро шутил — про чулан Синей Бороды или про подвал с привидениями.

Однажды я прочитал книжку Кира Булычева про Алису, про миелюфон — в общем, ту самую, по которой после фильм сняли, «Гостья из будущего» называется.

Так там тоже рассказывалось про вот такую дверь. Главному герою повезло, он ее отпер — и увидел самую настоящую машину времени. Вот я деда и спросил, вернее, коварно подначил: «А я знаю, что там! Там у тебя спрятана машина времени!»

И дед вздрогнул. Напрягся старый, рассмеялся очень уж натужно и повторил свой заезженный пассаж про Синюю Бороду.

Самое забавное, что дед, не страдавший чадолюбием (он вообще не любил детей, даже своих собственных), привязался ко мне. Это он записал меня в секцию фехтования и брал с собой в походы — мы все леса вокруг исходили, катались на лошадях, на настоящей яхте по Ильмене, а веслами я такие мозоли натер, что ладонь твердой стала.

Еще дед учил меня старорусскому языку, на котором разговаривали давным-давно, когда всеми этими землями правил Господин Великий Новгород. Нет, он не заставлял меня зубрить правила и заучивать нудные «топики», как на школьных уроках английского. Дед просто чи-

тал древние берестяные грамоты, проговаривал напевно старинные речения, а память у меня хорошая...

Пришла пора, и замаячило 1 сентября.

Я очень не хотел идти в школу, но куда ж тут денешься! Хотя мне повезло — именно в своем 1 «А» я встретил друзей.

Мишку Ховаева, Коляна Белого и Яшку Амосова. Мы как-то сразу перезнакомились и сдружились.

Они потом, все трое, в ту же секцию, что и я, ходить стали. Вряд ли их так уж фехтование влекло. Просто наш тренер, Дим Димыч, затеял снимать кино про мушкетеров, вот их и проняло.

В старших классах все трое это дело забросили, а тогда пыхтели, потели, упорствуя, каждый божий день занимались — и получили-таки главные роли! Все по-честному.

А Галка, серьезная личность с косичками, играла госпожу Бонасье. Хотя ей-то, известной вредине, роль миледи подошла бы куда больше.

Кстати, Дим Димыч первый заметил наше сходство с героями Дюма. Я был повыше, покрепче, посдержанней — и стал Атосом. Маленькому и чернявому Яшке подошла роль д'Артаньяна, утонченный и воспитанный Колька сыграл Арамиса, а плотный, в меру упитанный Мишка — Портоса.

Что интересно, эта наша похожесть на друзей-мушкетеров лишь усиливалась со временем. Мы никогда, кроме как на любительской съемочной площадке, не восклицали: «Один за всех, и все за одного!», но попробуй только нас тронь!

(Товарищи посторонние, не морщитесь! Друзья мои — это тоже важно, уж вы мне поверьте.)

Ну, не буду описывать всякие случаи, в которых закалялась и крепла дружба нашей неразлучной четверки. Вспомню лучше один момент из школьной поры.

Однажды я прямо спросил деда, зачем он таскается со мной по лесу, зачем я бегаю кроссы, дерусь на шпагах и саблях, гребу, совершенную свой старорусский, на котором никто не говорит?

«Дон Антонио» помолчал, а затем сказал со значением: «Я хочу, чтобы ты стал князем!»

Ну, я малость обалдел, конечно, и дед сразу зашепшил — мол, не думай ничего такого, я еще с головой дружен. И обещал все-все рассказать, когда мне исполнится двадцать.

«И дверь свою откроешь?» — спросил я тогда.

«Я дам тебе ключ от нее», — серьезно ответил дед.

В суете и житейской круговерти все это как-то расплылось, отдалилось, перестало волновать и быть важным — девчонки тогда интересовали меня куда больше, нежели какая-то там дверь.

После школы мама меня прочила в вуз, но тут я проявил твердость. Даже так — строптивость.

К тому моменту я уже догадывался, почему отец расстался с маманькой — они с ней никак не могли поделить титул главы семьи. Папуля не захотел всю жизнь ходить в ведомых, безропотно подчиняясь воле супруги, и ушел насовсем.

Не сказать, что маманька у нас — «самодура», нет. Женщина она умная, даже чересчур, хозяй-

ственная и домовитая, хотя и несколько легкомысленная. Например, ей лучше не доверять семейный бюджет — все деньги растратит, сколько ни дай. И ты же еще и виноватым останешься! В общем, не подарок.

Вот и я выступил против матриархата. Никаких институтов!

И пошел учиться на кузнеца в техучилище.

Маманька, конечно, в слезы. «Тебя ж теперь, дурень, в армию заберут!» — причитала она. «Отслужу, как надо, и вернусь», — парировал я.

Так все и случилось. Отучился я, получил «корочки» кузнеца ручнойковки 3-го разряда, а следом и повестка пришла.

Наша четверка в военкомате собралась, и мы все, в одних труселях, ввалились в кабинет военкома. Так, мол, и так, войдите в положение, товарищ полковник, — учились вместе, хотим и служить в одной части!

А в кабинете еще один чин сидел, повыше званием. Красномордый, сердитый. Думаю — все, сейчас ка-ак рявкнет!

А он заулыбался и говорит: «Молодцы! Хвалю!»

И угодили мы все вчетвером на одну погранзаставу. Стерегли границу с Китаем. Шпионы не попадались, контрабандистов ловили в основном.

А погранцы — как десантники, всегда в боевой готовности. Иначе говоря, гоняли нас усиленно, по принципу — чем больше пота с вас сойдет, тем лучше наука побеждать усвоится.

В первый же месяц службы мне пришлось письмо от маманьки. Помимо обязательного нытья

и мощного сюсюканья она сообщала о большой неприятности — дед Антон пропал. Без вести, без следов.

А ты служи и думай — то ли студентка какая увела старого, то ли что посерьезнее случилось. С такими вот мыслями и бдел на границе, выматривая супостата.

После дембеля мы всей четверкой вернулись, устроились, кто куда. Колька в «манагеры» пошел, бумагами шуршал в офисе, Мишка в магазин бытовой техники устроился продавцом-консультантом, а Яшка свой бизнес завел — мастерскую открыл, чтобы мечи, ножи да топоры ковать.

Поначалу я думал, что зря он в долги залез, кредитами обвешался, а оказалось, что желающих занять клинок хватает.

Ручная работа, не какая-нибудь поделка фабричная. Короче говоря, устроился я к нему, генеральному директору фирмы «Амос», кузнецом.

Не стану злословить насчет Яшкиных регалий — дескать, начальство «ооошки» с персоналом на три с половиной ставки обязательно мнит себя гендиром. Ну, нравится ему, что на визитке пропечатана такая должность, и пускай. Чем бы великовозрастное дитя ни тешилось...

И пошла, поплелась, поползла моя жизнь. Из дома на работу, с работы домой. Сиживал с друзьями, погуливал с девушками.

Маманька уже тревожиться стала. Внуков-то нет!

Ничего, думаю, потерпишь. Будут тебе внуки. Со временем.

А время шло. Вот уже и двадцатый день рождения отпраздновал, и тридцатник разменял...

Яшка еще больше усох и почернел, жилистость обрел, юркость. Колька красавчиком стал, хоть в рекламе его снимай, а Мишка раздобрел, основательности набрал... Килограммов двадцать лишних.

Я один не изменился — каким был, таким и остался. Хмурым мачо. Плечи широкие, бедра узкие — фигура, как у треугольника. Красны девицы заглядываются на такого добра молодца, а самому молодцу иное невдомек — дальше-то что?

Что, так и жить с маманькой до пенсии? Кислород потреблять, не давать унитазу бездействовать? За аванс с получкой расписываться, в «финку» наезжать... И это все?

* * *

В начале зимы бабушка померла. Маманька, конечно, не поехала на похороны — как разругалась когда-то со свекровью, так и навек, — я вдвоем с Мишкой в Новгород явился.

Все сделал, как полагается. Мужики из ритуального агентства могилку вырыли, опустили гроб, закопали, памятник немудреный установили.

Поминки устроили скромные — кроме нас с Михой, соседка Вера Павловна пришла да двое худых аспирантов. В свое время дед их натаскивал, а бабушка подкармливала.

Борщ. Пюре с котлетой. Солянка. Салат. Морс. Водка.

Выпили трижды по стопочке, не чокаясь, закусили, посидели, поговорили и разошлись.

Ныне лето на исходе, я уже и забыл обо всем, как вдруг Вера Павловна звонит. Все, говорит, сроки вышли, пора в наследство вступать. Ну пора так пора.

Постучался в начальственный кабинет и заглядываю.

Генеральный директор важными делами занят был — мастерил бумажные самолетики и запускать их, не вставая с роскошного кожаного кресла.

— Яш! Мне в Новгород надо смотаться. Отгул дашь?

— Дашь, — согласился Амосов. — Хоть отгул, хоть отпуск. Все равно на ремонт закрываемся. Я тебе не говорил еще?

— Не-а.

— Надо, надо офис в цивильный вид привести, — вздохнул шеф. — Да и мастерскую оборудовать пора. А то зимой дует, а летом не продохнуть.

— Горячо поддерживаю и одобряю.

— А чего ты в Новгороде забыл? — вяло поинтересовался Яков. — На даче чего?

— Да не, картошку я еще на выходных выкопал, — отмахнулся я и сказал со значением: — В наследство вступаю!

— А-а! — протянул Амосов. — Вот оно что... Поздравляю. — Внезапно он оживился и предложил: — Слушай, а давай вместе стоняем?

— Да ради бога! — согласился я. — Только сам поведешь — я на твоём автомате не привыкну никак.

— Собирайся тогда, я за тобой заеду.

— Лады!

Глава 2, в которой открывается тайная комната

Побегал я по кабинетам, оформил все, и Яша подъехал к самому бабушкиному дому — старинному четырехэтажному зданию из темного кирпича, чудом уцелевшему в войну. Я поднялся на знакомый этаж и позвонил в дверь Веры Павловны.

Старушка долго не открывала, но вот послышалось шарканье.

— Кто там? — спросил дребезжащий голос.

— Это я, тетя Вер! Игорь!

— Ах, Игореша...

Дверь открылась, и щупленькая Вера Павловна выглянула на лестничную площадку.

— Здравия желаю, Вера Павловна! — гаркнул Амосов по-строєвому.

— Здравствуйте, Яша, — церемонно ответила старушка. — А я тут приболела немного, сквозняка же кругом, не убережешься... Вот ключики, Игорек.

Сморщенная лапка, похожая на куриную, протянула мне брелок с парой ключей.

— Спасибо, тетя Вер, — сказал я, плохо скрывая нетерпение. — Выздоровливайте!